
Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ.

(Окончаніе).

По поводу книжныхъ исправленій при Никонѣ невольно и самъ собою возникаетъ вопросъ: каково было личное участіе самого Никона въ книжныхъ исправленіяхъ? Если мы для отвѣта на этотъ вопросъ обратимся къ предисловію перваго новоисправленнаго служебника, издавнаго въ 1655 году, гдѣ подробно излагается исторія возникновенія у насъ книжныхъ исправленій при Никонѣ, то отсюда окажется, что главнымъ инициаторомъ и дѣйствительнымъ исполнителемъ всѣхъ книжныхъ исправленій былъ самъ Никонъ патріархъ: ему первому пришла мысль о портѣ нашихъ книгъ, о необходимости ихъ исправленія по древнимъ славянскимъ харатейнымъ спискамъ и древнимъ греческимъ, и что онъ— Никонъ первый началъ исправлять наши книги съ древнихъ славянскихъ и греческихъ. Но это извѣстіе предисловія къ служебнику 1655 года исторически во всѣхъ отношеніяхъ невѣрно. Мы уже видѣли, что служебникъ при Никонѣ исправлялся съ печатнаго греческаго венеціанскаго изданія, а не съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ послѣднее по самому существу было дѣло невозможное. Если же и прибѣгали тогда къ древнимъ славянскимъ и греческимъ спискамъ, то только въ частныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда возникали какія либо недоумѣнія по частнымъ вопросамъ, такъ что справа по древнимъ спискамъ вторгалась, такъ сказать, въ справу по венеціанскимъ изданіямъ, только частично. Несправедливо исторически и другое утвержденіе предисловія къ служебнику 1655 года, что

мысль исправлять русскія церковныя книги прежде всего возникла у Никона, и что именно онъ былъ дѣйствительнымъ инициаторомъ книжныхъ исправленій у насъ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, мысль исправлять наши церковныя книги по греческимъ возникла гораздо ранѣе патріаршества Никона у царя и его духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, что они, еще въ патріаршество Іосифа, уже подготовили средства для книжныхъ исправленій, вызвали, для этой цѣли въ Москву, ученыхъ кіевлянъ, оставили въ Москвѣ, съ этою же цѣлю, Арсенія грека, пріѣхавшаго къ намъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ (въ 1649 г.), и еще при Іосифѣ уже кое-что въ нашихъ книгахъ начали исправлять съ греческихъ, и даже переводить съ нихъ въ видахъ книжной справы. Такъ, по свидѣтельству Медвѣдева, въ его Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ, уже въ 1649 году Епифаній Славинецкій, по порученію правительства, перевелъ съ греческаго языка на славянскій литургію Іоанна Златоустаго. Значить, Никонъ вовсе не былъ инициаторомъ нашихъ книжныхъ исправленій, онъ, сдѣлавшись патріархомъ, принялъ, такъ сказать, это уже подготовленное до него дѣло по наслѣдству, и только болѣе энергично, широко и рѣшительно продолжалъ то, чему начало было положено еще до него.

Лично самъ Никонъ о своемъ отношеніи къ книжнымъ исправленіямъ дѣлаетъ заявленія въ трехъ намъ извѣстныхъ случаяхъ. Въ письмѣ, къ пріѣхавшему въ 1662 году въ Москву Паисію Лигариду, Никонъ писалъ: „монахи три нѣкія прокляти, еже хулятъ святое исповѣданіе православныя вѣры, присланнаго намъ отъ святѣйшаго Паисея константинопольскаго и вселенскаго патріарха, и о святѣй литургіи и о иныхъ божественныхъ таинствахъ вражду творять, что нами поправлено во святѣй церкви съ советомъ и благословеніемъ братіи нашей вселенскихъ святѣйшихъ патріархъ; и ничто же собою мы что либо когда восхотѣхомъ приложити или отъяти отъ церкви когда, чрезъ каноны святаго вселенскаго 3-го собора“ ¹⁾. Въ 1663 году Паисій Лигаридъ и бояринъ Одоевскій были посланы государемъ въ Воскресенскій монастырь къ Никону,

¹⁾ Гиббенетъ: Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, ч. I, стр. 227.

гдѣ, между прочимъ, говорили ему: „для чего онъ ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ трои служебники, а во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того учинилось несогласіе большое?—И патріархъ сказалъ: нынѣ де поютъ такъ, кто какъ хочетъ, а то де все чинитца отъ непослушанія; а что де въ книгахъ онъ рѣчи перемѣнялъ, и онъ де то переправлялъ по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ“¹⁾. Въ грамотѣ Константинопольскому патріарху Діонисію, въ 1666 году, Никонъ о книжной справѣ пишетъ: „ищемъ и держимъ вся и наипаче греческія законы и догматы. И о семъ писахъ прежнему всесвятѣйшему и вселенскому патріарху киръ Паисію о святѣмъ совѣтѣ и о прочихъ церковныхъ уставахъ, и пріяхомъ отъ него на вся отвѣтную книгу, и по ней исправляемъ вся почину, яко же есть обычай во святѣй восточной церкви. И сего ради посылахомъ со мною казною во святой градъ Іерусалимъ, и къ царствующему граду, и во святую гору Аѳонскую, ради святыхъ древнихъ книгъ, и принесоша намъ не меньше пятисотъ, яже суть писаны за 500 и за 700 и за тысячу лѣтъ, и сице отъ сихъ божественныхъ книгъ благодатію Божію преведеса и исправиса у насъ. И они сія называютъ новыми уставами и мои Никоновы догматы“²⁾.

Изъ приведенныхъ заявленій Никона, сдѣланныхъ имъ въ разное время и очень различнымъ лицамъ, оказывается, что Никонъ, по его собственному сознанию, производилъ церковныя исправленія съ совѣта и по указаніямъ восточныхъ іерарховъ, руководствовался въ этомъ дѣлѣ присланной ему константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ книгою „Скрижаль“, а также древними, собранными по его порученію на востокъ, греческими книгами, съ которыхъ у насъ будто бы дѣлались переводы, по которымъ и правились наши книги. Дѣлая эти заявленія о произведенныхъ имъ книжныхъ исправленіяхъ Никонъ, съ своей точки зрѣнія, былъ вполне правъ. Лично самъ онъ производилъ исключительно только церковно-обрядовыя реформы, касавшіяся церковныхъ чиновъ и обрядовъ, и производилъ ихъ дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ. Мы знаемъ, изъ запи-

1) Гиббевель, ч. II, стр. 628.

2) Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 519.

сокъ Павла Алепскаго, что Никонъ просилъ антиохійскаго патріарха Макарія дѣлать ему указанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Макарій что либо найдетъ въ русскомъ чинѣ и обрядѣ неправильное т. е. несогласное съ греческою церковною практикою. Никонъ нарочно заставлялъ Макарія совершать по гречески нѣкоторыя церковныя дѣйствія и службы, и крайне внимательно къ нимъ присматривался, иногда держа въ рукахъ русскій служебникъ и непосредственно сличая его съ дѣйствіями служащихъ антиохійцевъ, такъ что Никонъ на различныхъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ Макарія, который прожилъ у насъ почти полныхъ два года и постоянно участвовалъ въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ, практически-наглядно изучалъ греческіе церковные чины и обряды, которыхъ онъ не могъ изучать по книгамъ, такъ какъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка. Полученныя такимъ наглядно-практическимъ путемъ свѣдѣнія о греческомъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, Никонъ немедленно прилагалъ къ дѣлу, т. е. сейчасъ же производилъ перемѣны въ русскихъ чинахъ и обрядахъ, поскольку они были несогласны съ греческою практикою, и эти перемѣны вносились потомъ справщиками, конечно по указаніямъ Никона, въ новоисправленные служебники. Значитъ, Никонъ имѣлъ полное право говорить о себѣ, что онъ производилъ у насъ церковныя исправленія дѣйствительно по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, которые, и помимо Макарія и гораздо ранѣе его, тоже уже не разъ „зазирали“ Никона за отступленіе русскихъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ отъ тогдашней греческой церковной практики.

Но Никонъ въ своихъ заявленіяхъ завѣряетъ не только въ томъ, что онъ производилъ свои церковныя исправленія по совѣту и указаніямъ восточныхъ іерарховъ, но что онъ пользовался еще въ этомъ случаѣ и древними греческими рукописными книгами, съ которыми онъ справлялся при своихъ исправленіяхъ. И это заявленіе Никона въ извѣстномъ отношеніи тоже справедливо. Мы уже ранѣе говорили, что Никонъ, нашедши въ одной греческой древней книгѣ, принесенной съ Аеона, что водоосвященіе въ день Богоявленія совершалось въ древности только однажды, немедленно отмѣнилъ ранѣе практиковавшееся у насъ двукратное водоосвященіе. Противъ этого распоряженія Никона очень го-

рячо и энергично возсталъ было патріархъ Макарій, доказывая Никону, что двукратное освященіе воды принято на всемъ православномъ востокѣ и что русскимъ никакъ не слѣдуетъ измѣнять этого всеобщаго православнаго обычая, котораго до самаго послѣдняго времени и они сами держались. Но Никонъ остался при своемъ, онъ болѣе вѣрилъ свидѣтельству древней греческой книги, чѣмъ указаніямъ Макарія и тогдашней греческой церковной практики, когда она расходилась съ практикою древней греческой церкви. Вѣроятно были и другіе подобнаго рода случаи, когда Никонъ наводилъ справки въ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгахъ и слѣдовалъ въ своихъ исправленіяхъ ихъ указаніямъ, а не греческому печатному евологію, на основаніи котораго Макарій дѣлалъ свои указанія Никону. Въ этомъ отношеніи очень любопытное извѣстіе находится у Шушерина, который былъ подъякомъ Никона, близкимъ и преданнымъ ему человѣкомъ, и могъ поэтому въ своемъ сообщеніи служить отголоскомъ возрѣвній на дѣло самого Никона. Шушеринъ, въ своемъ „Извѣстіи о рожденіи и о воспитаніи и житіи святѣйшаго Никона патріарха“, заявляетъ, что Никонъ думалъ исправлять и дѣйствительно исправлялъ все съ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, такъ какъ онъ, а согласно съ нимъ царь и собираемые соборы, „вся старописанныя греческія и славянскія книги разсмотрѣвши, обрѣтоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася. А съ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія“ ¹⁾. Если

¹⁾ Шушеринъ о книжныхъ исправленіяхъ Никона сообщаетъ слѣдующее: „Святѣйшій патріархъ Никонъ, слыша отъ многихъ на славянскія книги укоризвенная словеса, яко съ греческими не согласуются, хотя оную укоризну отъяти, совѣтова съ великимъ государемъ и со священнымъ соборомъ, еже бы вси книги церковныя исправить съ старыхъ греческихъ и російскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ и чинѣхъ и уставѣхъ съ греками согласити; а о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ послати ко святѣйшему вселенскому патріарху, и къ прочимъ, и во святыя горы—Аѳонскую и Синайскую. И благочестивый царь, похваливъ патріаршее благорачительство, повелѣлъ о томъ соборъ собрати, и всѣхъ російскихъ архіереевъ, архимандритовъ, и игуменовъ и протопоповъ въ царствующій градъ призвавъ, общимъ согласіемъ утвердити. Сшедшимся же всѣмъ, и то дѣло благоключимо быти рассмотрѣвше, поста-

вѣрить этому заявленію Шушерина, то оказывается, что Никонъ скептически относился къ тогдашнимъ греческимъ пе-

новиша книжная погрѣшенія съ древнихъ греческихъ харатейныхъ и съ русскихъ исправить, и въ чинѣхъ благопотребныхъ по древнему уставу согласити, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещахъ къ святѣйшему патріарху и во Аѳонскую и въ Синайскую горы послати. И то свое согласное о исправленіи книгъ постановленіе—благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, и прочіе архіереи, и весь освященный соборъ—руками своими, въ лучшее утвержденіе того дѣла, переписаха. И по совершеніи онаго собора, немедленно святѣйшій патріархъ, ради того исправленія, повелѣлъ отсюду изъ древнихъ книгохранилищъ древнія греческія и славянскія харатейныя книги собрати, и искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ Бога даръ чистое отъ недостойнаго изводить, тѣ книги разсматривати, и погрѣшенія отъ неискusstныхъ переводчиковъ и отъ переписующихъ исправляти, и о нужныхъ и недовѣдомыхъ вещехъ, благочестивый царь и святѣйшій патріархъ, послаха ко вселенскому патріарху и къ прочимъ православнымъ патріархамъ письма съ грекомъ Мануиломъ. На яже письма вселенскій патріархъ Паисій, сотворъ же соборъ, и главами на немъ содѣянными о всѣхъ писавыхъ къ нимъ, благочестивому царю и благочестивому патріарху отвѣтъ давшѣ, соборное прислаха въ лѣто 7163 е. во всѣмъ повелѣвающе послѣдовати древнихъ великихъ православныхъ восточныхъ церкви учителей писаніемъ сущихъ въ ветхихъ книгахъ греческихъ и словенскихъ. А къ святѣйшему патріарху въ грамотѣ своей воспя сиче: преблагенѣйшій и святѣйшій патріарше высочайшія Москвы, и всея земли российскія, киріе, киріе, еже есть господи, господи, Никонъ во святомъ Дусѣ волюбленный брате и сослужбвице нашего смиренія, о немъ же писаста намъ, даемъ отвѣтъ. преблагенѣйшій брате: да исправится якоже лѣпо, понеже Богъ просвѣти тя во времена ваша, да очистятся вся неудобная и да исправятся. о немъ же радуяся: живъ Господь Богъ, и имамъ тя писана въ души моей за достоинство и разумъ, его же дарова тебѣ Господь. И воистину зѣло похвалихомъ преблагенство твое, еже не престаеи испытывати и искати о душеполезныхъ и спасительныхъ вещехъ церковныхъ, яко истиненъ пастырь и вѣрный строитель Божій, некійся устроити и духовнѣ словесное свое стадо чистою и нетлѣвною и твердою пищею. И во всемъ совершати послѣдованіе и всякое священнодѣяніе по чину великія церкви, да не едино разнство имамы, яко чада истинная единыя и тояжде матери, восточныя апостольскія соборныя великія церкви Христовы: и да не едину вину обрѣгають, скверная еретическая уста оглаголати насъ о нѣкоемъ разнствѣ, но да стоимъ въ истинномъ согласіи тверди и непоступни и прочая. И тако благочестивый царь и христоролюбивый патріархъ отъ вселенскаго Паисія патріарха о всѣхъ написанныхъ отвѣтъ приемише, и соборное оно дѣяніе прочетше, и симъ къ большому благихъ желанію воздвигшеся, и сущія въ Россіи греческія и славянскія ветхія книги на исправленія недовольно мяще, изволиша, со многою своею милостынею, старца Арсенія Суханова послати во Аѳонскую гору и во иныя свята

чатнымъ книгамъ, производилъ ихъ провѣрку съ древними греческими и славянскими рукописными книгами, и эта

старожительная мѣста, да оттуду своея ради богатяя милостыни старописанныя книги притяжутъ. И сему сбывшуся, и принесоша изъ святыя Аеонскія горы книгъ зѣло древнихъ, на греческомъ языкѣ писанныхъ, числомъ пять сотъ. Еще же александрійскій, антиохійскій, іерусалимскій—святѣйшіе патріархи, и архіепископъ пекскій и патріархъ сербскій, и халкидонскій и архидонскій митрополиты, и иныя мнози отъ православныхъ странъ, писаніемъ изъ царствующаго града Москвы прошени, не менѣе двоя сотъ книгъ различныхъ древнихъ святыхъ прислаша. И тако благочестивая и богомудрая двоица, великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ московскій и всея великія и малыя .и бѣлыя Россіи, оныя священныя книги совокупивше вся во едино, и довольно лежащая въ нихъ разсмотривше, и Божимъ вседержительнымъ мавіемъ, соединившемъ ихъ въ любовь, движими цѣлости ради непорочныхъ догматъ. И еще къ вящшему утвержденію о томъ же паки въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархіи соборъ сотвориша, и бѣша на томъ соборѣ: Никонъ, Божією милостію государь святѣйшій патріархъ московскій, Макарій патріархъ антиохійскій, Гавріилъ патріархъ сербскій, съ митрополиты, и со архіепископы, со архимандриты и игумены, и со всемъ освященнымъ соборомъ. И тамо отъ святѣйшаго вселенскаго Паисія патріарха присланное соборное дѣяніе, предъ ся принесше, съ усердіемъ почтоша и судиша е право, и отъ Духа святаго составлено быти, и вся старописанныя греческія (писменныя) и славенскія книги разсмотривше, обретоша древнія греческія письменныя съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася. А въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія. Судиша книги согласити, и исправити во всемъ съ древними греческими рукописными книгами, да всякъ православный, невѣдѣнія и сопротивныхъ благочестію погрѣшеній и еже оттуду находящія козни избѣгнуувъ, во истинномъ разумѣніи и незанорномъ съ греческими письменными книгами, и въ нихъ лежащими законы, согласномъ мудрствованіи поживетъ здѣ въ многолѣтномъ благополучіи, въ будущемъ же вѣцѣ въ безконечной радости и наслажденіи, аминь“ (Рук. моск. духовн. акад. № 218, л. 15 и 16).

Приведенное сообщеніе Шушерина о книжныхъ исправленіяхъ при Никонѣ важно не по своей фактической сторонѣ, которая во многомъ невѣрна, но по той грандіозной идеѣ, какую Шушеринъ вкладываетъ въ Никоновскія книжныя исправленія. По его представленію оказывается, что у насъ будто бы задумано было грандіозное и крайне важное для всего православнаго міра предпріятіе: собрать въ Москву рѣшительно со всего древняго православнаго востока всѣ тѣ древнія церковно-богослужебныя по преимуществу книги, какія только тогда возможно было собрать, и на основаніи этого подлиннаго православнаго матеріала, взятаго изъ Христіанской старины, исправить или вѣрнѣе: составить новыя рус-

провѣрка привела его къ тому заключенію, что новыя печатныя греческія книги во многомъ несогласны ни съ древними греческими книгами, ни съ древними славянскими, и что въ новыхъ греческихъ печатныхъ книгахъ находятся многія погрѣшенія. И этотъ выводъ былъ правиленъ въ томъ, конечно, смыслѣ, что греческія печатныя книги дѣйствительно во многомъ не сходились съ древними греческими же рукописными, а также и славянскими харатейными книгами. А что по порученію Никона у насъ могли, хотя частично и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, провѣрять греческія печатныя книги древними, дѣло вполне естественное, возможное и допустимое. Никонъ нарочно посылалъ на востокъ Суханова пріобрѣтать тамъ древнія греческія и славянскія книги, на что затрачены были имъ большія деньги. Конечно эти книги пріобрѣтали на востокѣ вовсе не для того, чтобы свалить ихъ, какъ ненужныя вещи, гдѣ либо въ кучу и вовсе въ нихъ не заглядывать, а ими несомнѣнно очень интересовались, ихъ разсматривали и изъ нѣкоторыхъ, уже ради удовлетворенія простаго и столь естественнаго любопытства, несомнѣнно дѣлали хотя бы частичные переводы, которые и сопоставлялись съ переводами съ греческихъ печатныхъ книгъ. Когда, при такомъ сличеніи, находили несогласія между ними, то преимущество и предпочтеніе давалось древнимъ книгамъ предъ новыми, причемъ эти несогласія естественно отнесены были у насъ къ погрѣшеніямъ новыхъ печатныхъ греческихъ книгъ, а не къ тому обстоятельству, что онѣ печатались съ другихъ списковъ, принадлежавшихъ къ другому времени, нежели къ какому принадлежали древніе списки, бывшіе тогда подъ руками у русскихъ.

Что Никонъ былъ увѣренъ, будто при немъ наши книги дѣйствительно исправлялись съ старыхъ греческихъ книгъ, и что онъ признавалъ только такимъ образомъ исправленныя книги для себя обязательными, это какъ нельзя болѣе

скія церковныя книги, болѣе совершенныя, чѣмъ тогдашнія печатныя греческія книги, создать книги, годныя для всѣхъ православныхъ, ревнующихъ и о своемъ земномъ благополучіи и о своемъ будущемъ вѣчномъ спасеніи. Но если бы у насъ тогда дѣйствительно и были такіе грандіозные замыслы, то, въ то же время, несомнѣнно, что у насъ тогда не было ни силъ, ни умѣнья, ни средствъ привести ихъ въ исполненіе.

ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ январѣ 1665 года къ Никону, въ Воскресенскій монастырь, были посланы царемъ чудовскій архимандритъ Іоакимъ и дьякъ Дементій Башмаковъ, которымъ Никонъ заявилъ, что онъ готовъ всеѣмъ оставить патріаршество, и признать новаго патріарха, кого выберутъ, но только на извѣстныхъ условіяхъ, которыя и были имъ написаны. Въ нихъ, между прочимъ, Никонъ обязуется: „держати ми, живучи въ тѣхъ монастыряхъ (т. е. въ построенныхъ имъ: Воскресенскомъ, Иверскомъ и Крестовомъ), во всякое же исправленіе заповѣди Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, святое Его евангеліе, заповѣди и правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, такожде и помѣстныхъ святыхъ отецъ соборовъ, и особъ коегождо святаго святыя книги и уставы, такожде и святой символъ исправленный съ грецка благодатію святаго Духа и совѣтомъ и единеніемъ и со святыми вселенскими патріархи; такожде и церковныя уставы, преданные святой церкви святыми отцами, то есть—святую литургію или общимъ словомъ нареци *служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справлены съ старыхъ съ греческихъ святыихъ книгъ*, чинъ и уставъ снабдѣвати святыя восточныя церкви новаго Сіона, иже есть церкви воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже во Іерусалимѣ, и имѣти ми любовь и единеніе со святыми вселенскими патріархи во всемъ неотложно“. Эти условія, на которыхъ Никонъ готовъ былъ оставить патріаршество, царь передалъ на разсмотрѣніе собора, черновыя записи котораго дошли до насъ. Соборъ, по вышеприведенному пункту обязательствъ Никона, согласился съ нимъ, но какъ бы сомнѣваясь, что Никонъ станетъ употреблять и книги, исправленныя съ греческихъ печатныхъ, сдѣлалъ отъ себя, къ обязательству Никона, слѣдующее очень важное и существенное дополненіе: живучи въ тѣхъ монастыряхъ, святѣйшему Никону патріарху держати вся преданія православная и книги исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и символъ, како исправился при немъ и имѣти любовь и единеніе со вселенскими патріархи во всемъ неотложно. Священный же соборъ рече: *аще что и впрѣдъ*, за повелѣніемъ великаго государя, и за благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всего священнаго собора, *съ греческихъ книгъ исправится, и ему.*

святѣйшему патріарху Никону, и тѣ книги приимати и по нимъ славословіе и чины церковныя исправляти“¹⁾). Итакъ Никонъ, съ своей стороны, заявляетъ, что онъ обязуется признавать и употреблять „служебникъ и требникъ и прочія святыя книги справленныя съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, а слѣдовательно, отказывается признавать книги справленныя просто съ греческихъ печатныхъ книгъ. Такъ это и понялъ соборъ 1665 года, почему и счелъ необходимымъ отъ себя добавить, что бы Никонъ взялъ на себя еще обязательство признавать и употреблять книги исправленныя, и въ будущемъ имѣющія быть исправленными, просто съ греческихъ книгъ т. е. съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій. Впослѣдствіи патріархъ Іоакимъ писалъ архимандриту Кириллова монастыря, въ которомъ заключенъ былъ Никонъ: „а книги держать ему, Никону, почему церковная и келейная управлять, только правильные печатные“, предполагая, очевидно, что Никонъ могъ не принимать и не употреблять тогдашнія наши исправленныя книги²⁾). Значитъ, Никонъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что книги при немъ исправлялись „съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, почему онъ и хотѣлъ признавать и употреблять только такимъ образомъ исправленныя книги.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что служебникъ, напимѣръ, былъ переведенъ при Никонѣ съ греческаго печатнаго венеціанскаго изданія, и этотъ переводъ легъ въ основу Никоновскаго исправленія служебника, такъ что и при Никонѣ исправленіе книгъ совершалось не только „съ старыхъ греческихъ святыхъ книгъ“, но и съ печатныхъ греческихъ. Медвѣдевъ заявляетъ, какъ мы видѣли, что Никонъ вовсе не зналъ послѣдняго обстоятельства, такъ какъ онъ былъ будто бы обманутъ лукавыми людьми, которые увѣрили его, что они исправляютъ все по старымъ греческимъ и славянскимъ книгамъ, тогда какъ въ дѣйствительности исправляли съ греческихъ венеціанскихъ печатныхъ изданій. Намъ это дѣло, какъ мы уже говорили, представляется нѣсколько иначе. Хотя самъ Никонъ дѣйствительно думалъ,

1) Дѣло о патріархѣ Никонѣ, стр. 212, 223.

2) Рукопись библиотек. Моск. дух. академіи: подлинное дѣло о судѣ надъ ц. Никономъ, л. 353.

что исправленныя при немъ книги обязательно провѣрены древними греческими и славянскими книгами, но онъ, конечно, хорошо зналъ, что въ общемъ это дѣло при немъ велось такъ, что книжные справщики сначала дѣлали переводъ съ греческихъ печатныхъ книгъ, и брали этотъ переводъ какъ первую основную редакцію, и уже потомъ справлялись съ древними греческими и славянскими книгами, и на основаніи ихъ вносили въ первую редакцію разныя перемѣны и поправки. Никакого обмана, о чемъ говоритъ Медвѣдевъ, тутъ, очевидно, не было, а дѣло велось какъ находили удобнѣе и успѣшнѣе вести его справщики, которые въ этомъ случаѣ пользовались значительною свободою и самостоятельностью. Лично самъ Никонъ производилъ только обрядовую реформу и этой церковно-обрядовой стороной реформы по преимуществу, и почти исключительно, интересовался. Но къ самой книжной справкѣ въ тѣсномъ смыслѣ, къ самому тексту книжныхъ исправленій, Никонъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть, прямого непосредственнаго отношенія. Никонъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка, не могъ читать греческихъ книгъ, а слѣдовательно не могъ самъ слѣдить за справою съ греческихъ книгъ и поневолѣ все это дѣло долженъ былъ довѣрить своимъ справщикамъ, предоставляя имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, почему справщики и вели самостоятельно дѣло переводовъ, какъ они находили это для себя лучше, удобнѣе и, по ихъ соображеніямъ, продуктивнѣе. Шушеринъ поэтому поводу говоритъ, что Никонъ, собравши старыя греческія и славянскія книги, поручаетъ „искуснымъ и благоговѣйнымъ мужамъ, имущимъ отъ Бога даръ чистое отъ недостойнаго изводити, и могущимъ съ еллиногреческаго языка на славянскій переводити, тѣ книги разсматривати и погрѣшенія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ преписующихъ исправляти и вся выписовати“ т. е. говоритъ, что Никонъ, въ книжной собственно справкѣ долженъ былъ всецѣло, по незнанію имъ греческаго языка, положиться на избранныхъ имъ справщиковъ, которые собственно и вели все дѣло справки, помимо личного, непосредственнаго участія самаго Никона. Этимъ конечно объясняется, почему справщики вину тѣхъ или другихъ возможныхъ погрѣшностей при исправленіи какой либо книги прямо берутъ на себя. Въ послѣсловіи, напримѣръ, къ ирмо-

логіону 1657 года справщики говорятъ: „изслѣдивши съ греческихъ текстовъ преложихомъ на славянскій діалектъ ново“, но что переводомъ они очень спѣшили, такъ какъ имъ мѣшали другія дѣла, почему въ изданіи возможны и погрѣшности, невольно ими допущенныя. Значить Никонъ къ книжной справѣ въ собственномъ смыслѣ не имѣлъ прямого непосредственнаго отношенія, а стоялъ отъ нея нѣсколько въ сторонѣ, и не смотрѣлъ на нее какъ на свое только личное дѣло, за которое бы отвѣчалъ онъ лично, тѣмъ болѣе что производимыя при немъ книжныя исправленія, обыкновенно одобрялись цѣлыми соборами русскихъ іерарховъ, а также и присутствовавшими на этихъ соборахъ восточными іерархами.

Въ первые годы своего патріаршества Никонъ заявилъ себя самымъ убѣжденнымъ и завзятымъ реформаторомъ—грекофиломъ. Онъ не только исправлялъ русскіе церковные обряды, чины и книги по греческимъ, не только публично и торжественно завѣрялъ, „что хотя онъ русскій и сынъ русскаго, но его вѣра и убѣжденія греческія“, но онъ въ тоже время переноситъ къ намъ греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческіе клобуки и мантии, греческіе церковные напѣвы, приглашаетъ въ Москву греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла ¹⁾, строитъ монастыри по образцу греческихъ, приближаетъ къ себѣ разныхъ грековъ, слушаетъ ихъ, дѣйствуетъ по ихъ совѣтамъ и указаніямъ, всюду выд-

1) Въ видахъ конечно улучшить и приблизить къ древне-византійскому русское иконописаніе, и въ то же время не довѣряя франкскимъ живописцамъ, Никонъ старался выписать въ Москву греческихъ живописцевъ. Въ 1656 году пріѣхалъ въ Путивль грекъ Мануйла Ѳомиизъ „съ грамотою іерусалимскаго патріарха Паисѣя, писано о вашихъ царскихъ дѣлахъ, да письмо изъ Царьгорода отъ иконописца“. На Москвѣ въ по-солскомъ приказѣ Мануйло сказалъ: „съ нимъ де послалъ къ государю еросалимскій патріархъ грамоты объ немъ же Мануйлѣ, а съ товарищемъ ево съ Миколоаемъ Ивановымъ послалъ грамоту къ государю святѣйшему Никону патріарху онъ же еросалимскій патріархъ Паисей о иконописцѣхъ“. Въ 1657 году бѣлый попъ Иванъ, города Трикалы, по указу Никона, отправился на родину „привзвать къ Москвѣ живописцевъ и мудрыхъ серебряниковъ, и о томъ дана его патріаршая грамота за висячею печатью“. Уже по удаленіи Никона съ патріаршаго престола, именно въ 1660 году, въ Москву пріѣхалъ грекъ иконописецъ Апостоль Юрьевъ. (Греческія дѣла—въ большомъ моск. архивѣ мин. иностран. дѣлъ—7164 г. № 10; 7165 г. № 26; 7168 г. № 8).

вигаетъ на первый планъ греческій авторитетъ, отдавая ему рѣшительное преимущество предъ вѣковою стариною, предъ русскими всѣми признаваемыми доселѣ авторитетами. При взглядѣ на эту страстную, ни предъ чѣмъ не останавливающуюся грекофильскую дѣятельность Никона реформатора, такъ и кажется, что Никонъ задался грандіозной идеей сдѣлать изъ Москвы, въ церковномъ отношеніи, вторую Византію, перенеся изъ послѣдней все цѣнное церковное въ Москву. Онъ какъ будто мечталъ воскресить въ Москвѣ былыя времена процвѣтанія греческаго православія, когда благочестивые греческіе цари, вмѣстѣ съ святыми патріархами, собирали соборы, обсуждали и рѣшали на нихъ всевозможные выдвигаемые жизнью церковные вопросы, дѣлами на нихъ обязательныя для всѣхъ постановленія, издавали законы, которые и теперь такъ чтутся всѣми православными. Благодаря именно ему—Никону, казалось, Москва станетъ дѣйствительнымъ третьимъ Римомъ, ни въ чемъ, при этомъ, не разрывая съ остальнымъ православнымъ востокомъ, а только, чрезъ церковно-богослужбное объединеніе, тѣснѣе соединившись съ нимъ, и ставъ его дѣйствительною всестороннею опорою, а вмѣстѣ главою и руководителемъ. Но въ дѣйствительности ничего этого не было, а было совсѣмъ другое, указывающее на крайнюю неустойчивость и измѣнчивость самой грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, который, къ концу своего патріаршества, какъ-то охладѣлъ къ своей реформѣ, и даже какъ будто измѣнилъ свои прежнія грекофильскія воззрѣнія и увлеченія.

Разъ Нероновъ, явившись къ Никону, съ которымъ онъ было помирился, говорилъ ему: „иностранные (греческія) власти нашихъ служебниковъ (т. е. старопечатныхъ до исправленія ихъ Никономъ) не хулятъ, но и похваляютъ“. И патріархъ рече: „обои де добры (т. е. старопечатные и новоисправленные)—все де равно, по какимъ хочешь, по тѣмъ и служишь“. И Григорій рекъ: „я старыхъ де добрыхъ и держуся“. И возьмъ благословеніе отъиде“. Но этого мало. 21 января 1658 года, во время всеобщей, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ тронть аллилуію и прибавлять „слава тебѣ Боже“. Нероновъ, бывшій тутъ же въ соборѣ, сталъ сильно укорять за это Никона и указывалъ ему на извѣстное житіе св. Евфросина псковскаго. „До чего

тебѣ, патріархъ, домутить Росію? говорилъ Нероновъ Никону. Съ кѣмъ ты совѣтовалъ, и какое свидѣтельство произносишь четверишь аллилуія? У насъ, въ Велицѣй Росіи, преподобный Ефросинъ псковскій много трудился, сниская о сихъ, и у вселенскихъ патріархъ былъ, вопрошая о вещи сей, и яко же предаша ему ти, сице и той здѣ въ Велицѣй Росіи намъ предложи. Богъ же забвенію труды его не преда, но знаменья и чудеса прослави его, якоже и прочихъ великихъ святыхъ“. И патріархъ рече: „Воръ-де, б....с... Евфросинъ!“ И Григорій рече: „Какъ таковая дерзость, и какъ хулу на святыхъ вѣщаешь?—услышитъ Богъ и смиритъ тя!“ „И доколѣ старецъ Григорій былъ на Москвѣ, умолилъ протопопа з братією, въ соборной церкви, на клиросахъ чтобы не четверить аллилуія. Ти же послушаша старца, говорили аллилуія на клиросахъ по дважды, въ третье: слава тебѣ Боже. Патріархъ же ничтоже имъ глагола, точію подъякъ, псалтырь говоря, заповѣданіе патріархово говорилъ—четверилъ аллилуія. По вся же дни старецъ, и до поѣздки, приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крылосахъ протопопъ и з братією говорили подважды, и до поѣздки старцовъ“¹⁾.

Очевидно въ концѣ концовъ грекофильствующей реформаторъ Никонъ пришелъ къ тому вѣрному убѣжденію, что старья и новоисправленныя имъ книги, чины и обряды, одинаково добры, что для вѣры и благочестія безразлично, будутъ-ли служить по старымъ служебникамъ или по новоисправленнымъ, будутъ-ли трое или двое аллилуію. Но если старья и новоисправленныя книги, чины и обряды одинаково добры, одинаково безразличны для вѣры и благочестія, то какой же собственно смыслъ имѣла реформаторская дѣятельность Никона, направленная на передѣлку этихъ „добрыхъ“ чиновъ и обрядовъ нашей церкви и сопровождавшаяся ссылками, заточеніями, обличеніями въ ереси и анаематствованіями всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ отказаться отъ этихъ добрыхъ старыхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, не хотѣлъ признать ихъ неправыми, непозволительнымъ новшествомъ? Разладъ между Никономъ, торжественно заявляющимъ о настоятельной необходимости исправленія русскихъ

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 162—163.

книгъ, такъ какъ онѣ содержатъ въ себѣ неправые, нововодные чины, и Никонемъ, признающимъ, что старыя служебники такъ же добры какъ и новоисправленные, что будетъ безразлично служить по тѣмъ или другимъ служебникамъ,—разладъ слишкомъ очевиденъ и устранить его нѣтъ никакой возможности, если мы не признаемъ, что Никонъ, подъ конецъ своей патріаршей дѣятельности, замѣтно измѣнилъ свой взглядъ на смыслъ и значеніе своихъ собственныхъ реформъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, что Никонъ, послѣ самой напряженной и кипучей реформаторской дѣятельности, въ которой онъ проявилъ столько энергии, увлеченія и пыла, сталъ относиться къ своимъ собственнымъ реформамъ какъ то безучастно и равнодушно. На это могла имѣть вліяніе его продолжительная, упорная, но, въ концѣ концовъ, не совсѣмъ удачная борьба съ кружкомъ ревнителей благочестія, все болѣе замѣтная перемѣна въ его личныхъ отношеніяхъ къ царю, а главнымъ образомъ вѣроятная перемѣна въ его личныхъ взглядахъ на значеніе въ дѣлахъ вѣры и благочестія того или другаго обряда, перемѣна, очень естественная въ человѣкѣ умномъ и воспримчивомъ, посвятившемъ этому дѣлу нѣсколько лѣтъ дѣятельности, и, отчасти путемъ собственныхъ размышленій и невольнаго изученія, отчасти благодаря своему частому обращенію съ лицами научно образованными, пришедшему къ вѣрному убѣжденію, что старыя и новыя служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, такъ какъ это дѣло совершенно безразличное для вѣры и благочестія. Какъ бы то ни было, но только подъ конецъ дѣла церковныхъ исправленій не стояло уже у Никона на первомъ планѣ, не было для него тѣмъ живымъ, насущнымъ дѣломъ, въ которое бы онъ вкладывалъ всю свою душу, въ которомъ бы онъ видѣлъ главную задачу своей патріаршей дѣятельности. Никонъ хорошо видѣлъ, что противники его реформъ нетерпѣливо ждутъ того времени, когда новый патріархъ будетъ передѣлывать все, имъ сдѣланное, и однако изъ личнаго только самолюбія онъ самъ оставляетъ патріаршую кафедру, не смотря на очевидность, что этимъ поступкомъ онъ окончательно развязываетъ руки всѣмъ врагамъ своихъ реформъ, открываетъ свободный путь для ихъ враждебной его дѣлу дѣятельности. Проживая, послѣ своего

удаленія съ патріаршества, въ Воскресенскомъ монастырѣ, Никонъ дѣятельно занимался монастырскими постройками, дѣятельно велъ тяжбы изъ-за монастырскихъ имѣній, велъ живую и энергичную полемику съ своими личными врагами, зорко высматривалъ всѣ покушенія на его патріаршее достоинство, на оставленную имъ добровольно патріаршую власть, словомъ былъ крайне внимателенъ и чутокъ къ личнымъ своимъ интересамъ, къ своему до болѣзненности раздраженному самолюбію, а что бы онъ хотя сколько нибудь интересовался оставленнымъ имъ на произволь, безъ всякой защиты, дѣломъ церковныхъ исправленій, его дальнѣйшею судьбою и теченіемъ, это ни откуда не видно. Отъ Никона, по удаленіи его съ патріаршей каѳедры, осталась довольно значительная переписка съ царемъ, письма къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ, очень обширное сочиненіе противъ Паисія Лигарида, въ которомъ онъ подробно говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ царю, о тогдашнемъ общемъ положеніи церковныхъ дѣлъ, о русскихъ архіереяхъ, о церковномъ судѣ, о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ и пр., но нигдѣ даже ни разу онъ не упоминаетъ и не вспоминаетъ о своихъ церковныхъ реформахъ, какъ будто это дѣло его вовсе и не касается, даже какъ будто такого дѣла вовсе и не было. Проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ Никонъ прекрасно зналъ, что изъ за произведенныхъ имъ реформъ теперь всюду идетъ на Руси страстная, ожесточенная борьба, происходятъ всюду распри, раздѣленія, въ русской церкви видимо быстро нарождался расколъ, и что главному и лучшему дѣлу его патріаршества повидимому суждено окончательно рухнуть подъ дружнымъ и ожесточеннымъ напоромъ его враговъ. Все это не могъ не видѣть Никонъ, и однако онъ ни однимъ словомъ не откликнулся на разрастающуюся борьбу изъ за его церковныхъ исправленій, не сдѣлалъ ни одного шага, не предпринялъ ни одной мѣры, что бы оберечь, защитить главное дѣло своего патріаршества. Все время, по оставленіи имъ патріаршей каѳедры, Никонъ оставался холоднымъ, совершенно безучастнымъ зрителемъ все болѣе широко разгоравшагося пожара изъ за его церковныхъ исправленій; онъ, очевидно, теперь уже не считалъ этаго дѣла близко касающимся его лично, и потому не находилъ для себя возможнымъ не только бороться, но и просто безо-

коится изъ за него ¹⁾. Но только индеферентнымъ отноше-
ніемъ къ дѣлу своей церковной реформы Никонъ не огра-
ничился.

Извѣстный противникъ церковной реформы Никона, дья-
конъ Ѳеодоръ, дѣлаетъ такое любопытное заявленіе: „по семъ
Никонъ, по многомъ обличеніи отъ многихъ отецъ, позна
свое блуженіе въ вѣрѣ, и отрекся патріаршества своего въ
соборной церкви предъ народомъ, и отъиде въ монастырь
свой, и посемъ въ Валдаѣ въ Иверскомъ монастырѣ завелъ
свою друкарню, тутъ же населившася иноцы Кіевопечерскаго
монастыря: и повелѣлъ имъ тутъ печатать Часовники по ста-
рому уставу и обычаю, и тѣ Часовники его видѣхъ азъ, по его
благословенію печатныя тамо мелкими словами въ четверть
листа, въ низже уже: и въ Духа Святаго Господа истиннаго
и животворящаго, и прочая вся въ нихъ постарому слово въ
слово“ ²⁾. Говорятъ, что Часовникъ, напечатанный патріар-
хомъ Никономъ въ Иверскомъ монастырѣ по старому, а въ
символѣ съ внесеніемъ слова *истиннаго*, сохранился до на-
стоящаго времени и его можно найти въ книжныхъ собра-
ніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, любителей и собирателей
старопечатныхъ книгъ. Мы, съ своей стороны, не могли найти
и видѣть этого Часовника, но это не можетъ и для насъ
служить основаніемъ заподозрить справедливость приведен-
наго свидѣтельства дьякона Ѳеодора. Дѣло въ томъ, что и
самъ Никонъ въ одномъ случаѣ свидѣтельствуешь, что въ
его Иверскомъ монастырѣ дѣйствительно печатались книги
неисправно т. е. постарому, а не противъ новоисправленныхъ
книгъ. Въ своей грамотѣ къ архимандриту Иверскаго мона-
стыря Діонисію, въ іюнѣ 1658 года т. е. только за одинъ
мѣсяць до оставленія имъ патріаршей каѳедры, Никонъ пи-

¹⁾ На это равнодушіе Никона къ его собственнымъ церковнымъ исправ-
леніямъ жалуется и царь Алексѣй Михайловичъ. Въ своемъ повелѣніи
въ 1662 г. о созваніи собора онъ заявляетъ, „что церковь вдовствуетъ
безъ пастыря уже пятнадцатую, а пастырю убо патріарху Никону
отшедшу и пребывающу въ новоустроенныхъ отъ него обителехъ, а о
вдовствѣ ея нерадящу, также и о несогласіи церковнаго пѣнія и о службѣ
божественныя литургіи и о иныхъ церковныхъ вѣнахъ, которые учини-
лись при бытіи патріаршества его, и потому дѣйствуются и до нынѣ,
и отъ того нынѣ въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ
мѣстахъ и расколы“. (Гиббен. ч. 1, стр. 242).

²⁾ Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 150.

петь, чтобы они прекратили допечатаніе кутеинскихъ Псалтырей потому что тѣ Псалтири неисправны. „И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ, по нашему великаго государя указу, тѣхъ кутеинскихъ Псалтырей допечатывать и выдавать не велѣли, *тѣмъ казны не собрать*, а велѣти бѣ вамъ вновь завести печатать иная какая книга, Аввы Дорошея, или иная какая.“¹⁾ Значить, въ Иверскомъ монастырѣ уже рѣшили было печатать Псалтири постарому, но Никонъ запретилъ это дѣлать, но не потому однако, чтобы онъ былъ противъ вообще печатанія псалтырей по-старому, а единственно потому, „что тѣмъ казны не собрать“ т. е. что старопечатными книгами теперь нельзя выручить затраченныя на ихъ печатаніе деньги, такъ какъ онѣ не найдутъ себѣ на книжномъ рынкѣ покупателей, отъ которыхъ правительство требуетъ, чтобы они обзаводились новоисправленными книгами, а старыя, какъ ненужныя, оставляли. Никонъ смотритъ здѣсь на печатаніе старыхъ книгъ чисто съ хозяйственно-коммерческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія матеріальной выгоды или потери отъ этаго предпріятія. Но съ удаленіемъ Никона съ патріаршаго престола обстоятельства въ этомъ отношеніи сильно, измѣнились. Большинство теперь стало думать, что съ уходомъ Никона и всѣ его реформы и книжныя исправленія будутъ уничтожены, все останется по-старому, а значить въ ходъ пойдутъ по-прежнему и старыя книги, которыя, конечно, теперь находили хорошій сбытъ на рынкѣ, тогда какъ торговля новоисправленными книгами естественно должна была остановиться. Въ виду этихъ обстоятельствъ въ Иверскомъ монастырѣ, попрежнему находившемся въ вѣдѣніи Никона, начинаютъ печатать церковныя книги по старому и, конечно, дѣлаютъ это съ согласія Никона. Такъ въ 1661 году въ Иверскомъ монастырѣ была напечатана книга: „*Брашно духовное*, сирѣчь: псалмы, молитвы, пѣнія, благодареніе и каноны и прочая, отъ многихъ книгъ собранныя, зѣло нужныя и душеполезныя. Въ монастырѣ общежительномъ Иверскомъ, иже на святѣ Езере, въ строеніи святѣйшаго Никона патріарха новотипомъ издася. Лѣто отъ созданія міра 7170, отъ рождества же Господа нашего Ісуса Христа 1661, индикта 15, мѣсяца октоврія въ 19 день“. Эта книга была напечатана

¹⁾ А. Э. т. IV, № 126.

согласно съ старыми книгами, а не съ новоисправленными. Напримѣръ: „чинъ како подобаетъ пѣти псалтырь“.— „Аще іерей начни: благословенъ Богъ нашъ... Аще же ни, рци: *за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе Сынъ Божій, помилуй насъ, аминь*“. Въ канонѣ „за едино умершаго“ на отпускѣ говорится: „Господи Исусе Христе *Сынъ Божій, молитвъ ради пречистыя ти Мати*“... Повсюду „во вѣки вѣкомъ“. „Отче нашъ... и остави намъ долги наша яко и мы оставляемъ... и *неведи насъ во искушеніе*“— „Свѣте тихій... Исусе Христе *пришедшу солнцу на западъ... Сыне Божій животь даяй всему міру, его же ради весь міръ славить тя*.“— „Богородице дѣво радуйся *обрадованная* Маріе... яко родила еси *Христа Спаса*“.— „Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую *воистину* серафимъ.“ — „Что тя наречемъ, *о обрадованная, небо*...“— „Покаяніе отверзи ми двери *жизнодавче: утренюеть бо духъ мой къ церкви святѣй своей, церковь нося тѣлесную, всю оскверненную, но яко щедръ очисти, благоутробными си милосердіемъ*“. Символь вѣры: „Вѣрую во единого Бога... И во единого Господа *Исуса Христа... рожденна, а несотворенна... и нашего ради спасенія сошедшаго со небесъ и воплотившагося отъ Духа свята и Маріа дѣвы... Распята же за ны... и воскресша во третій день по писаніихъ... Его же царствію кѣтъ конца*“. Впрочемъ и новоисправленныя книги при самомъ Никонѣ и въ правительственной типографіи издавались иногда съ нѣкоторыми отступленіями въ пользу стараго. Такъ, напримѣръ, въ *Триоди Постной*, изданія 1656 года, въ чинѣ: „въ пятокъ вечера память совершаемъ всѣхъ отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанъ и братій нашихъ“ на стр. 23 значится: „аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже 3-жды“, послѣ пѣсни: „радуйся чистая, Бога плотію родшая во спасеніе всѣхъ... аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже 3-жды“, т. е. въ обоихъ случаяхъ предписывается по старому двойть, а не тройть аллилуія; на стр. 122. „священникъ: *за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ*“. Въ *Ирмологіонѣ*, 1657 г., послѣ богородична: „жизнодавца рождши... аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже 3-жды“ (на стр. 574). Значить, не только въ Іверскомъ монастырѣ нѣкоторыя книги издавались, съ согласія Никона, по старому, но и въ новоисправленныхъ книгахъ, выходившихъ при Никонѣ изъ правитель-

ственной типографіи, принципъ исправленія стараго проведенъ былъ не со всею строгостью ¹⁾).

Никонъ, въ послѣднее время своего патріаршества, а потомъ по оставленіи имъ патріаршей кathedры, не только признавалъ старыя и новыя служебники одинаково добрыми, допуская совершать службы по тѣмъ и другимъ, дозволяя печатать въ Иверскомъ монастырѣ по старому, но въ концѣ концовъ онъ даже принципиально заподозрилъ свои собственныя реформы. Всѣ церковныя исправленія Никона имѣли смыслъ и значеніе подѣ условіемъ признанія авторитета восточныхъ патріарховъ и признанія неповрежденности тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Но Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, отвергъ то и другое, вслѣдствіе чего необходимо сталъ въ отрицательное отношеніе къ своимъ же собственнымъ реформамъ. Во время соборнаго суда надъ нимъ, Никонъ заявилъ, что патріархи александрійскій и антиохійскій, присутствовавшіе тогда на соборѣ, не могутъ быть названы настоящими, законными патріархами, такъ какъ александрійскій не живетъ въ Александріи, а антиохійскій живетъ въ Дамаскѣ. А между тѣмъ, какъ мы знаемъ, большую часть своихъ церковно-обрядовыхъ реформъ Никонъ произвелъ именно по совѣту и указаніямъ антиохійскаго патріарха Макарія, на авторитетъ котораго онъ тогда постоянно указывалъ и опирался. Что же въ такомъ случаѣ значили эти реформы, если онѣ произведены были Никономъ по совѣтамъ и указаніямъ Макарія, незаконнаго, ненастоящаго патріарха?—При Никонѣ, какъ мы видѣли, наши книги прежде всего исправлялись съ греческихъ печатныхъ книгъ. Но когда, во время соборнаго суда, противъ Никона приведено было одно правило изъ греческой книги, его осуждающее, то Никонъ рѣзко заявилъ на соборѣ: „греческія пра-

1) Паисій Лигаридъ, въ своемъ сочиненіи „О судѣ надъ патріархомъ Никономъ“ (объ этомъ сочиненіи Лигарида скажемъ ниже), заявляетъ, что Никонъ, во время соборнаго суда надъ нимъ, самъ призналъ неискренность своихъ книжныхъ исправленій. Когда Никонъ, рассказываетъ Лигаридъ, отвергъ на соборѣ греческій номоканонъ, какъ еретическій, „привнесено было, для большаго удостовѣренія, законоположеніе русскія, но и это Никонъ отвергъ какъ невѣрно изданное при патріархѣ Іосифѣ московскомъ. Никонъ нехотя прибавилъ, что нѣкоторыя книги неправильно были изданы и во время его патріаршества, почему и поручилъ архіереямъ въ удобное время исправить ихъ“.

вила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики“, и затѣмъ опять настойчиво повторилъ: „греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики“. Конечно это заявленіе Никона можно объяснять его крайней тогдашней раздраженностію противъ его судей—патріарховъ, можно видѣть въ немъ только необдуманныя слова пылкого, несдержаннаго человѣка. Но можно объяснять дѣло и иначе. Все греческое въ глазахъ Никона было хорошо только до тѣхъ поръ, пока греки льстили ему, всячески угодили и пресмыкались передъ нимъ, пока они оправдывали и одобряли всѣ его реформаторскія дѣйствія, а онъ, опираясь на нихъ, игралъ видную и эффектную роль реформатора русскихъ церковныхъ порядковъ. Какъ же скоро тѣ же самые греки враждебно коснулись самого Никона, изъ льстивыхъ и угодниковъ превратились въ грозныхъ и не податливыхъ его судей, а реформаторская его дѣятельность подверглась всякимъ пересудамъ, толкованіямъ и провѣркамъ; грекофильства Никона какъ не бывало, онъ уже судить и ридить какъ истый старообрядецъ: восточныхъ патріарховъ называетъ не настоящими патріархами, греческія печатныя книги—неправыми, такъ какъ ихъ печатаютъ еретики. Никонъ, видимо, не смотря на свое громкое заявленіе: „хотя я русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія“, на самомъ дѣлѣ, по своимъ истиннымъ убѣжденіямъ, всему духовному складу своей личности и симпатіямъ, продолжалъ всегда оставаться завзятымъ тогдашнимъ русскимъ; все его грекофильство было у него явленіемъ очень непрочнымъ, какъ бы искусственнымъ, привитымъ къ нему со стороны. Какъ же скоро обстоятельства измѣнились, его прежніе друзья и поощрители въ грекофильствѣ превратились въ его рѣшительныхъ враговъ и Никонъ былъ, такъ сказать, предоставленъ только самому себѣ: въ немъ и сказался тотъ дѣйствительный, настоящій Никонъ, отъ котораго не разъ слышали ранѣе, какъ онъ говорилъ: „гречане де и малые Россіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой да и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де правомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія ни мало“.

Н. Кантревъ.